7. С.М. Максимов. «**Ҫăваш кĕввисем**» («Чувашские песни»). Часть первая. В истории чувашской музыкальной письменности песенные сборники И. Яковлева и П. Пазухина вплоть до последнего времени были единственными, доступными для широкого употребления, изданиями, в которых чувашские народные песни были записаны с мотивами*). В настоящее время сборники Яковлева и Пазухина библиографическая редкость, но если бы даже имелись в достаточном количестве, то все же их слишком недостаточно было бы для удовлетворения современной культурной потребности населения, которая настоятельно ощущается в отношении зрелищ и музыки. Неоспоримо, что правильное художественное воспитание учащейся молодежи и оформление художественных вкусов отсталой деревни глубоко связано с восприятием художественных образцов устного (словесного), литературного и музыкального творчества самого народа. Для удовлетворения этой назревшей потребности и служит недавно появившийся сборник С. М. Максимова—«Ҫăваш кĕввисем».

Как указано в предисловии к сборнику, С. М. Максимов собирал песни, главным образом, среди чуваш Буинского уезда, Симбирской губ.(**). В частности, он записывал песни в селениях «тăхăр йал» (девять деревень), которые, по заявлению собирателя, местными чувашами до сего времени считаются «песенным гнездом». Эти селения: Кошки-Ново-Тимбаево, Черепаново, Бюрганы, Тимерсяны, Анатрал и др. Песни же других местностей С. М. Максимов записывал со слов разных любителей***).

Для науки музыкальной этнографии очень важны следующие условия, которые старался соблюдать собиратель. Мелодии песен записывались в том же тоне, в каком исполнял их сам воспроизводитель народной песни; записывались и варианты мелодий, как разновидность народного музыкального творчества в пределах одного и того же песенного напева. Тексты песен собиратель записывал, не придерживаясь

*) Записи В. Мошкова, как изданные в научном журнале, недоступны для массового пользования. Сборник Ф. Павлова «Сăрнай», немногим ранее появившийся, чем сборник С. Максимова «Ҫăваш кĕввисем», относится к одной культурной эпохе с последним.

**) Ныне Буинский кантон Татарской Республики.

***) Предисловие составителя сборника не цитируется, в виду необходимости перевода с чувашского.

законов принятой литературной формы речи там, где исполнитель делал отступления от этой формы, т. е. записывал слова в том виде, в каком произносил их сам исполнитель. Темпы мотивов указаны по метроному. Необходимо отметить, что С. М. Максимов удачно установил терминологию для обозначения темповых понятий на чувашском языке. Особенно отрадное впечатление производит применение линейной (итальянской) нотной системы. Совершенно справедливо указывает С. М. Максимов, что цифровую нотную систему следует давно заменить линейной. Сборник С. М. Максимова—первая попытка в этом направлении. К сожалению, нотная часть сборника издана лишь литографированным способом, а не печатным.

В предисловии к сборнику С. М. Максимов дал интересное толкование содержания чувашских народных песен. Он говорит: «Народная песня отражает прошлую, историческую судьбу народа. Судя по содержанию песен, в жизни старинных чуваш мало было отрадных моментов. Если присмотреться к содержанию исполняемых у чуваш песен, то замечается, что в пирушечных песнях выражается, главным образом, любовь к родным, в песне «плач невесты»—рисуется тяжелая жизнь чувашской замужней женщины, в песнях рекрутских—изображается тяжелое горе чувашина солдата».

В сборнике семь отделов. В первом отделе помещены школьные и детские песни, всего 25. Во втором—хороводные песни, всего 7. В третьем—пирушечные, 21. В четвертом—масленичные, 7. В пятом—свадебные, 23. В шестом—солдатские (рекрутские) песни, 15. В седьмом—разные, всего 11.

Кроме того, особым отделом помещены чувашские танцевальные мотивы, исполняемые чувашами-музыкантами на скрипке. Отдел этот представляет исключительный интерес, потому что чувашские танцевальные мотивы до сих пор в нотной печати для широкого распространения не появлялись. Танцевальные мотивы собирались и другими любителями чувашской музыки, но в виду того, что издание их представляет значительные затруднения, главным образом, из-за отсутствия оборудованной нотопечатни в местной типографии,—труды этих собирателей до сих пор вынуждены лежать под спудом. Танцевальных мотивов в сборнике всего—27.

Благодаря отделу инструментальных мотивов, сборник приобретает особенный интерес для каждого музыканта-этнографа. Безусловно, для истории чувашской музыкальной этнографии сборник имеет исключительное значение. Кстати, уместно по этому поводу отметить, что заслуги С. М. Максимова, как собирателя, перед наукой чувашской музыкальной этнографии вообще огромны. В настоящее время С. М. Максимов является одним из самых видных и самых энергичных собирателей памятников песенно-музыкального материала. Изданный сборник составляет лишь часть его собранных материалов. Но тут, что мелодия — то красота, что мотив— шедевр. Записи сделаны опытной рукой глубокого знатока чувашской народной музыки: каждый изгиб мелодии, каждый гротеск мотива, каждый тончайший нюанс звука учтен при делении тактов. Это чрезвычайно трудное обстоятельство при записях чувашских народных песен и мотивов преодолено собирателем блестяще. Вот почему сборник С. М. Максимова особенно дорог для чувашского музыканта-этнографа, особенно ценен для истории и науки чувашской музыкальной этнографии, особенно полезен для культурно-музыкальных целей в деле поднятия художественно-музыкального образования среди чуваш.

8. С. М. Максимов. «**Ҫăваш кĕввисем**» («Чувашские песни»). 2-я часть. Это—сборник гармонизированных чувашских народных песен. С. М. Максимов не только собиратель, но и гармонизатор чувашских народных песен. В сборнике помещено 39 гармонизаций. Из них: двухголосных—13, трехголосных—7, четырех-голосных—13 и с аккомпаниментом на рояли—6. Текст песен приложен отдельно от нотной части. Куплетов всего около 600, считая по 2, 3, 4 и т. д. стихов в каждом куплете. В сборнике помещена только часть гармонизаций С. М. Максимова. Многие песни из его гармонизаций, пользующиеся любовью публики, почему-то не нашли места в сборнике. Помещена также одна интересная гармонизация И. М. Дмитриева, которая, собственно, принадлежит перу одного петербургского композитора (фамилия не известна), который в 1908 г., будучи в Симбирске у И. М. Дмитриева, оставил ему эту гармонизацию*). С точки зрения основной

*) В настоящее время, кроме С.М. Максимова, известны гармонизаторы чувашских народных песен из чуваш: Г. Г. Лисков, Т. П. Парамонов В. П. Воробьев и др., а из русских: Я. В. Прохоров, Н. И. Аладов и др.

темы настоящего очерка, вторая часть сборника С. М. Максимова интересна, прежде всего, как коллекция мотивов и куплетов чувашских народных песен. Хотя новых мотивов и нового песенного текста в этой части, сравнительно, немного, тем не менее, и в ней есть кое-что, чем можно поинтересоваться.

9. Т. П. Парамонов. «Сборник мотивов чувашских песен и тексты к ним». Рукопись. Опять—«сборник»... Редкий собиратель назовет свой сборник каким-нибудь интересным названием. Т. П. Парамонов*) как-раз мог бы дать своему сборнику оригинальное название, потому что он записывал песни, как сам об этом рассказывает, в «натуральной обстановке», т. е., например, свадебные песни записывал на свадьбе, пирушечные—на пирушках, песни улаха—на улахах и т. д. Собирание песен в «натуральной обстановке»—чрезвычайно важное обстоятельство в работе собирателя. На местах, в жизни деревни, наблюдается резкое изменение и перерождение быта: семейного, общественного, хозяйственного и пр. Задача собирателя—записать, фотографически точно зафиксировать это изменение. Читатели вправе надеяться, что автором цитируемого сборника будет опубликовано и описание того быта, в обстановке которого записаны песни.

Собиратель начал записывать песни еще в 1912 г. в д. Латышевой, Цивильского у. Большинство песен записаны в разных селениях Батыревского, Чебоксарского, Ядринского и Козмодемьянского уездов в 1914, 18, 22, 25 и 1926 г.г.

Общее количество записанных мелодий 428, считая в том числе и инструментальные мотивы. Из них записано с форшлагами около 20 мелодий, с группетами—меньше. Встречаются мотивы с 11-12 тонным диапазоном, также и с искусственными полутонами, хроматизмом. Ритм в большинстве случаев цветистый, смешанный. Деление на такты не указано. Инструментальных мелодий, записанных со скрипки —15, с гуслей—8, с гармоники—7 и с голоса—4. Мотивы песен, по содержанию относящегося текста и по характеру, можно разбить таким образом: обрядовых около 50, свадебных—40, пирушечных—150, посиделочных и хороводных—150, детских—20, сказок, преданий и пр.—около 10. По сообщению собирателя, 90% песен записано в натуральной обстановке,

*) Т. П. Парамонов учился в Симбирской чувашской школе.